
Расследование за чашкой чая
Манускрипт старой ведьмы
Краеведение
Травы
Редкие издания
Ирина Лебедева

Расследование за чашкой чая

Ирина Лебедева

Манускрипт старой ведьмы

«Эксмо»
2027

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лебедева И. Н.

Манускрипт старой ведьмы / И. Н. Лебедева — «Эксмо», 2027 — (Расследование за чашкой чая)

ISBN 978-5-04-257313-2

Добро пожаловать в Торжок — город старых домов, новых тайн и уютных расследований. Первая книга серии уютных детективов. Агата Лисова привыкла замечать то, что другие предпочитают не видеть. Но однажды загадочные перья на крыльце ее дома, найденные в разгар чтений Эдгара По с подростками, оказываются лишь первой странностью в череде событий. Агата разбирает архивы своего района и обнаруживает старую карту, фотографию и газетную заметку о пожаре в доме купца Елагина. Постепенно выясняется, что история ее собственного дома связана с давней легендой о женщине-лекаре, которую когда-то считали ведьмой. Тем временем в библиотеке проходит День выбора профессий, главным гостем которого становится московский искусствовед Валентин Тарасов. Он проявляет подозрительный интерес к старинным домам и архивам, расспрашивает Агату о ее доме и вскоре вступает в конфликт сразу с несколькими жителями Торжка. В разгар вечера Тарасов внезапно умирает, и становится ясно: это не несчастный случай, а отравление. Пока полиция ищет убийцу, Агата начинает собственное расследование, сопоставляя человеческие мотивы с деталями из старых архивов и обнаруживая, что смерть Тарасова связана не только с его конфликтами в настоящем, но и с тайной, которую скрывает купеческий особняк. Торжок умеет хранить секреты. Агата Лисова умеет их раскрывать.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-257313-2

© Лебедева И. Н., 2027
© Эксмо, 2027

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 14
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Ирина Лебедева
Манускрипт старой ведьмы

Дизайн обложки *О. Фатиховой*

© Лебедева И. Н., 2027
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

* * *

Глава 1

– Невермор, – пробормотала Агата, поднимая с крыльца крупное черно-глянцевое перо – очередное. Не стоило, наверное, читать с подростками рассказы Эдгара По. С другой стороны, ребятам нравится.

– Что там, дочь? – звонко окликнула ее мама, Валентина Алексеевна.

– Все то же самое, – откликнулась Агата, возвращаясь в дом и торжественно водружая перо в компанию ему подобных – от нарядных, в голубой крап, соичьих, до серо-сизых голубиных. Их скопилось уже достаточно много. Перья стояли в высоком стакане на столике трюмо и в вазе на подоконнике. Они, надо сказать, радовали глаз. А вот их дарители – несколько смущали.

Агата Глебовна Лисова, библиотекарь, шестидесяти двух лет, мистику в целом любила. Помимо детективов, читала с огромным удовольствием и готические романы, и те же рассказы Эдгара По, загадочные и исполненные мрачноватой иронии. Перья она, в общем-то, тоже любила – красивые же. Особенно радовали глаз перо сойки – бежевое, с синими пятнышками – и пара белоснежных голубиных. И все же… Вот уже две недели в своей библиотеке, по разнарядке от руководства, она проводит вечера чтения. Приобщает, так сказать, подростков к классике мировой литературы. И в последние шесть дней обнаруживает на крыльце дома, где живет с мамой, эти самые перья. Началось это как раз с момента знакомства ребят с творчеством Эдгара По.

– Агата, вымой руки, – по учительской привычке всех вокруг воспитывать скомандовала мама. Лисова фыркнула, послушно шагнула в ванную. Заодно полюбовалась собой в зеркале, порадовалась тому, что выглядит вполне моложаво. И новая стрижка – шегги с немного растрепанными прядками, – и новый цвет – бежевый блонд – ей очень идут. Да и платье – а Агата платья обожала, только в редких случаях надевая брюки или джинсы, – на ней прекрасно смотрится. Платье из голубого шелка – ползарплаты она спустила на ткань – сшила ей мама, ворча, что, мол, не по возрасту. Валентина Алексеевна, выйдя на пенсию лет двенадцать назад, внезапно увлеклась шитьем.

– Ладно, мам, я ушла на работу!

– Не забудь зонтик, обещали дождь, – посоветовала Валентина Алексеевна вдогонку. И добавила: – А еще, дочь, уточни, когда там у нас ремонт планируют.

Агата с матерью жили в старом купеческом доме очень и очень давно. И наконец торжокские власти решили, что пора бы эти здания отремонтировать и отреставрировать при необходимости – все-таки лицо города. Правда, по срокам ничего не говорили. А крыша подтекала, особенно при таянии снега. Да и красные кирпичи со стен, бывало, отлетали.

– Постараюсь, – неуверенно пообещала Агата. И продолжила, не дожидаясь очередной фразы в спину: – И, мам, я помню, что ты сегодня в санаторий едешь. Вещи собраны, чемодан стоит в коридоре. Уйду с обеда, вызовем такси, и посажу тебя на поезд.

– Вот еще, такси вызывать, и на автобусе прекрасно доберемся! – не в первый раз возразила Валентина Алексеевна. Но Агата была неумолима. Ей совершенно не улыбалось час добираться по пробкам до вокзала с чемоданом наперевес.

– Такси, мам! Мы вчера с тобой договорились. Все, не скучай! – И она выпорхнула в майскую сияющую зелень утра.

В Торжке, старом купеческом городе, она жила с самого детства. Дом их стоял практически на берегу реки Тверцы, напротив красовался Борисоглебский монастырь. До центра – рукой подать. До того же вокзала по прямой километра полтора. Но через дома, ограды и деревья вряд ли дойдешь, иронично улыбнулась Агата. Помнится, в юности она пыталась – не удалось. Заблудилась среди заборов.

Зато до работы – а работала Агата Лисова в центральной городской библиотеке – добираться было не только быстро и удобно, но еще и красиво. Сначала по берегу Тверцы идешь до моста через реку, потом – через мостик, а там, по городским улицам, и до работы всего ничего. Даже в снегопады и прочую непогоду Агата предпочитала ходить пешком. И для фигуры полезно, и для здоровья, и эстетические чувства получают свою долю радости.

– Агата Глебовна, зайдите ко мне, пожалуйста, – стоило Агате войти в старинное здание библиотеки, как с площадки второго этажа раздался голос директрисы.

«Высматривает она меня из окна, что ли», – с легкой досадой подумала Агата. Первым делом ей хотелось спокойно выпить чаю – и заняться уже разбором архива старой части города. Той самой, где они с мамой живут. Его лишь недавно вызволили из подвалов – и там, чуяло сердце Агаты, найдется куча всего интересного!

Но с руководством не поспоришь. И Агата легко поднялась по лестнице и зашла в освещенный солнцем, отделанный натуральным деревом кабинет.

– Здравствуйте, Елена Валерьевна, – мило улыбнулась она молоденькой – всего-навсего рубеж сорокалетия перешагнувшей – директрисе. Ту поставили на этот пост всего несколько месяцев назад, и Елена Валерьевна генерировала идеи с оглушительной скоростью.

– Агата Глебовна, ваши чтения прекрасно сказываются на деятельности нашей библиотеки, – торжественно заявила директриса. – Хоть я и сомневалась в целесообразности знакомства подростков с творчеством Эдгара По, но в целом… – Агата тут же насторожилась: значит, что-то еще ей предложить собираются. А как же архивы? – Так вот, у школьников впереди выпускные. И я предлагаю вам устроить в библиотеке День Выбора Профессий. – Она так и произнесла последние три слова – каждое с заглавной буквы. И как только умудрилась?

– Что именно вы хотите? – с ноткой обреченности в голосе спросила Агата. Ей, конечно, нравилось проводить всевозможные мероприятия – находиться, так сказать, на острие жизни. И все же… Архивы влекли ее с неумолимой силой. Кто знает, что она там обнаружит? Тем более речь идет о том самом районе, в котором расположен ее дом.

– Я набросала список выступающих, подала объявление в газету и на радио, заказала в типографии печать листовок и плакатов. Обещают сделать в ближайшие два дня. Я хочу, чтобы вы подготовили все для чаепития – заказали чай, печенье, что там еще нужно. Ну и, конечно, рассказывайте ребятам о том, что двадцать восьмого мая у нас состоится полезное и интересное мероприятие.

«Двадцать восьмого… – прикинула Агата. – Всего неделя осталась!» Впрочем, спорить с руководством она не стала. Уточнила:

– Чьи выступления планируются?

– Я подумала, что интересно будет пройтись по гуманитарным профессиям. Я как директор библиотеки расскажу о нашем с вами важном и нужном деле, – с допустимой долей пафоса заявила Елена Валерьевна. Помолчала и продолжила: – Также приглашен директор районной газеты «Торжок сегодня».

«Ага, – подумала Агата, – значит, Маринка в курсе. – Марина Кольцова была редактором той самой газеты и давней подругой самой Агаты. – И, наверное, тоже появится на столь торжественном мероприятии – не доверят же писать статью стажерам!»

– Далее, – продолжила директриса, – Василиса Глущенко, директор нашего музея золотного шитья. Себастьян Ленивцев…

– Себастьян Игоревич? – с легким недоумением спросила Лисова. – Который кружок по истории и мифологии ведет? И это среди директоров?

– Себастьян Игоревич – кандидат исторических наук, автор нескольких монографий, к тому же преподает историю в педагогическом колледже, – отчеканила Елена Валерьевна. – Я полагаю, что в настоящее время профессия историка обретает все большее значение. И детям

о ней интересно будет узнать побольше. Не всем же в менеджеры идти, – с толикой отвращения добавила она.

Агата только кивнула: руководству виднее. Сама бы она расширила спектр профессий: можно с преподавателями колледжей договориться, чтобы каждый о своей специализации рассказал. Пригласить ту же Иринку Веденееву, пусть бы поведала, как подняла свой бизнес с нуля – гостиница, и не последняя в городе. Ну и вообще… Но Лисова уже поняла: с директрисой спорить смысла особого нет. Все равно та поступит так, как считает нужным. Неплохое, в общем-то, качество для руководителя… но несколько ограничивает.

– И наконец, мне удалось договориться о визите столичного искусствоведа. Валентин Евгеньевич Тарасов, – с придыханием озвучила она имя московского специалиста, – сотрудничает с крупнейшими музеями. И он согласился рассказать о своей профессии нашим ребятам. К тому же ему очень хочется ознакомиться с недавно найденными архивами. Они же как раз к вашему району относятся, не так ли? Старый купеческий район города?

– А, да-да, – кивнула Агата, старательно скрывая нетерпение: теперь ей и самой еще больше захотелось пролистать архивные материалы. Что там может интересовать московского искусствоведа?

– Ну и, конечно же, будут представители местной администрации, – подытожила Елена Валерьевна.

«Ну, разумеется», – мысленно фыркнула Агата. И все же отправилась к архиву, решив, что сегодня все равно ничего не будет заказывать – время еще есть. А может быть, как проводит маму, пройдется по магазинам, заглянет в местную пекарню «Калачи и куличи» и посмотрит, что там предлагают из выпечки.

Мысль о свежих булочках справедливо вернула Агату к ее первой потребности сегодняшнего утра – выпить чаю. Недавно в библиотеке благодаря стараниям Агаты и неуемной энергии новой директрисы появился уютный закуток для сотрудников. Это было место, где можно оставить дела, перекусить и перевести дыхание. Помещение это вряд ли можно назвать необходимым – штат сотрудников насчитывал всего несколько человек, и перерыв можно было провести прямо за рабочим столом, но Агата считала иначе. Для нее библиотека – второй дом, а в доме должно быть место для чая.

В ранний час в каморке никого не было, но сегодня и сама Агата задерживаться там не желала. Она извлекла с нижней полки шкафчика свою любимую термокружку – сувенир от сына, матово-серый цилиндр с незамысловатой надписью «Лучшей маме», выцветшей от времени и частого мытья, – налила в нее чай и стремглав помчалась в подвал.

В подвале работать она любила, что, кстати, тоже делало ее ценным сотрудником. Почти всех ее коллег порой приходилось силой загонять в это темное и несколько слишком влажное для библиотечного хранилища помещение, но Агате здесь нравилось все. Температура, в летнюю жару такая спасительная; пыльный запах городских историй, оседающий на одежде и волосах; и даже свет – одна-единственная лампа под потолком, скудный желтоватый круг которой выхватывал из темноты только стол и стопки коробок, – все это создавало особую атмосферу уединения, где время текло иначе и можно было остаться наедине с прошлым.

За небольшим столиком ее уже ожидала первая партия материала. Агата устроилась на жестком скрипучем стуле, водрузила на стол термокружку и приступила к работе. Ей предстояло провести опись содержимого коробок, а затем рассортировать документы по годам и тематикам. Сначала она бегло проглядывала каждую папку, чтобы понять, что именно в ней находится, а затем раскладывала бумаги в стопки – отдельно газетные подшивки, отдельно официальные бумаги городской управы, отдельно личные документы.

Время побежало быстро. В архивах было полно информации о ее родном районе – старые планы застройки, сметы на ремонт, заявления жильцов с просьбами починить крышу или заме-

нить забор. Агата увлеченно листала пожелтевшие листы, мысленно связывая старые фамилии с нынешними обитателями, и удивлялась, как многое оставалось неизменным.

Когда ей в руки попалась старая карта Торжка, Агата невольно задержала дыхание. Она видела лишь более поздние топографические заметки по поводу своего района, но такая подробная планировка с обозначением каждого дома и хозяйственных построек попадалась ей впервые. Агата осторожно убрала термокружку на пол и расстелила карту на столе. Бумага оказалась плотной, хорошо сохранившейся, никаких следов плесени или повреждений, даже краски не выцвели. Карте, похоже, требовалась лишь аккуратная оцифровка, а не реставрация.

Агата склонилась над ней, водя пальцем по изгибам улиц. На карте были обозначены все дома с фамилиями владельцев. Вот ее собственная улица, вот дом – он уже существовал сто лет назад, хотя номер был другим. Она задержалась взглядом на своем доме, ощущая странную связь с теми, кто жил здесь до нее. На полях карты, наряду со всеми прочими комментариями топографа, было указано: «Старицкая, 5 – здесь жила А. Л.».

«Так и сейчас живет», – улыбнулась Агата сама себе. Она еще раз вгляделась в надпись. Это был не типографский шрифт, каким были выполнены все пометки к карте, а надпись, сделанная от руки позднее. Насколько позже – понять без дополнительного навыка было невозможно: может, сразу, а может, десятилетия спустя.

Агата пожала плечами, бережно свернула карту и отложила ее в сторону к документам, которым предстояло перейти в цифровой вид.

Следом за картой из очередной коробки показалась пожелтевшая газетная вырезка, датированная началом прошлого века. Агата развернула ее и прочитала короткую заметку. В ней сообщалось, что в ночь на двенадцатое октября в одном из домов на Старицкой улице произошло возгорание. Никаких подробностей, только сухая констатация факта да упоминание фамилии владельца. Купец Елагин. Агата хмыкнула. Такая же фамилия была у ее мамы. Впрочем, Елагиных в Торжке всегда водилось немало, и Агата не придала этому совпадению особого значения. Она аккуратно отложила вырезку в сторону и потянулась за следующей папкой.

В ней лежали старые фотографии. Агата принялась перебирать их, раскладывая отдельно групповые портреты, отдельно виды улиц и домов, а то, что не поддавалось определению, отправляла в сторону для дальнейшего уточнения. Одна из фотографий, пожелтевшая по краям, но еще достаточно четкая, привлекла ее внимание. Агата поднесла снимок поближе к лампе. На снимке группа людей стояла на фоне дома. Она всмотрелась внимательнее и узнала очертания знакомого здания. Дом был похож на ее собственный, хотя одного важного элемента не хватало – балкона, сидя на котором в летние вечера, она любила смотреть на закат. На обороте кто-то вывел чернилами дату и подпись: «1913. Жильцы дома на Старицкой». Агата перевернула фотографию обратно и принялась разглядывать лица. Большинство людей на снимке улыбались или смотрели в объектив с обычным для тех лет серьезным выражением. Но чуть поодаль от основной группы стояла женщина в темном платье. Ее взгляд казался жестким, она выглядела так, будто не хотела находиться в этой компании. Агата задержалась на ее лице на мгновение дольше, чем на остальных, а затем положила фотографию рядом с картой и газетной вырезкой.

Чая в кружке осталось всего на один глоток, да и стрелки настенных часов показывали, что пора уходить. В шесть вечера заканчивался рабочий день. Агата потянулась, допила остывший, но от этого только более вкусный чай и окинула взглядом оставшиеся коробки. Их было еще довольно много. Что ж, тем интереснее будет предстоящая неделя.

Агата хлопнула себя по лбу. Какая уж там неспешная работа с историей города, когда ровно семь дней осталось до ДВП. Коль скоро Елена Валерьевна так торжественно обозначила День выбора профессий, Агата решила, что составить из него аббревиатуру будет разумно. Громоздкое название не лезло в голову, а в мыслях оно уже успело прочно закрепиться как ДВП.

Агата намеренно поставила «Калачи и куличи» в своем личном расписании на вечер. В глубине души она надеялась, что безупречный аромат свежей выпечки к этому времени суток спадет на нет и превратит ее визит в этот потрясающий магазин в исключительно деловой, имеющий целью составить меню на мероприятие. Однако всем было хорошо известно, что его очаровательная владелица, ее ровесница, Наталья Ефремовна Говедина, принимает поставки дважды в день: утром и вечером. Они знали друг друга очень много лет. Однажды Наталья Ефремовна поделилась с ней забавной историей о том, что в детстве ее, разумеется, дразнили за необычную фамилию, а когда она стала старше и начала демонстрировать предпринимательские жилки, ей пророчили, вполне логично, открытие мясного магазина. Однако Говедина пошла другим путем, что, вероятно, стало огромной потерей для мясной индустрии, но безусловной находкой для сладкоежек Торжка.

Странная смесь надежды и опасений, которую Агата испытывала всю дорогу от библиотеки до «Калачей и куличей», подтвердилась. Наталья Ефремовна совсем недавно приняла новую партию свежей выпечки. И теперь Агате предстояло не просто составить меню на будущее мероприятие, но и постараться удержаться от булочного переедания.

«Прикинуть меню, прикинуть меню, просто прикинуть меню», – бубнила себе под нос Агата, прохаживаясь вдоль кристально чистых стеклянных витрин, плотно забитых слоеными язычками с сахаром, ромовыми бабами в шоколадной глазури и витыми булками с маком. Наталья Ефремовна изящно выплыла из подсобки.

– Слойка французская, с изюмом и заварным кре… – начала она, но Агата, не дослушав, выпалила:

– Да. Две. И еще два вот этих брецеля, маме в дорогу.

– Куда путь держит Валентина Алексеевна? – спросила Наталья.

– Мама в санаторий, в Кисловодск, отправляется.

– А ты чего, Агата Глебовна?

– Ой, у меня до отпуска еще месяц, да тут еще и ДВП…

– Ремонт затеяла?

– Нет, – усмехнулась Агата, – пришла я на самом деле меню составить для мероприятия в библиотеке. Ну у тебя тут, Наташенька, всегда так прекрасно пахнет.

– Ну, значит, тебе сам бог велел продегустировать.

– Каждый вечер, кажись, дегустирую, – скорчив забавную рожицу, отозвалась Агата.

Наталья склонила голову набок:

– Брось, Агата. Хочешь булки – ешь булки. В нашем возрасте уже можно не оправдываться ни перед кем, даже перед собой. Разве что перед совестью, а она, глядишь, и не заметит пары лишних слоек.

– Тоже верно, – улыбнулась Агата, вглядываясь в витрину и думая, чем бы еще себя и маму порадовать.

Дома Агату ожидала мама, сидящая на чемоданах в прямом смысле этого слова. Валентина Алексеевна самостоятельно выкатила свой небольшой дорожный чемоданчик в центр прихожей и теперь важно восседала на нем, как на троне.

– Агата, вре-е-емя, – протянула она, как только Лисова переступила порог дома.

– Мама, бре-е-ецель, – так же нараспев произнесла Агата, выставляя вперед себя, аки щит, красивый бумажный пакет с логотипом «Калачи и куличи», – тебе в дорогу.

– Спасибо большое, доченька, – голос мамы мгновенно стал гораздо мягче, – но нам уже пора, автобус не ждет.

– Если бы мы поехали на автобусе, мама, нам уже пришлось бы выходить, но так как мы поедем на такси – и не надо спорить! – Агата подняла вверх вторую руку, в которой также

был пакет с булочками, как бы прекращая поток аргументов со стороны мамы, – то у нас есть еще время…

– Посидеть на дорожку, – дополнила мама.

– Да, посидеть на дорожку.

Женщины вышли из дома, когда такси уже ждало у обочины. Водитель, неожиданно винтажного вида, в кепи, с явным удовольствием подхватил чемодан и легко закинул его в багажник.

– Осторожнее, там хрупкое, – на всякий случай предупредила Валентина Алексеевна.

– Не волнуйтесь, красавица, я аккуратно, – крякнул таксист, хлопнул крышкой багажника и уселся за руль.

Дорога до вокзала заняла минут пятнадцать. Агата смотрела в окно на проплывающий Торжок: старые купеческие особняки с лепниной на фасадах, узкие мостовые, еще не просохшие после утреннего дождя, знакомые с детства очертания монастырей. Город казался ей одновременно и неизменным, и вечно молодым – вон там, за поворотом, все так же стоял дом с зелеными ставнями, где когда-то жила ее школьная подруга, а через дорогу вырос новый торговый центр, который она так и не привыкла замечать. Такси остановилось у вокзала. На перроне уже ждали пассажиры: кто-то курил, кто-то читал, кто-то просто стоял, глядя на рельсы.

– Слушай, я сегодня в архиве нашла заметку о пожаре в доме купца Елагина на Старицкой. В начале века. Ты не знаешь чего-нибудь об этом? Просто фамилия твоя, и я подумала… – спросила Агата, пока они катили чемодан по перрону, пытаясь угадать, где на этот раз окажется седьмой вагон.

– Елагиных в Торжке было много, дочка, – пожала плечами Валентина Алексеевна. – Может, и наши родственники, может, просто однофамильцы. А что?

– Просто интересно, – ответила Агата, задумчиво глядя прямо перед собой. – Архивы же новые разбираю.

– Новые архивы. – Валентина Алексеевна, учитель русского языка со стажем, усмехнулась. – Звучит как-то своеобразно.

– Ну ты поняла, – отмахнулась Агата.

Мама кивнула:

– Елагины были народом непростым. Строптивые, себе на уме. Говорили, что старший из них, тот самый купец, при деньгах был, а жил скромно, все копил и прятал. Поговаривали, что он так и не женился, потому что никому не доверял. Может, оттого у него и случился пожар – не иначе как скупой платит дважды.

Они уже достигли середины перрона, когда поезд с громким свистом потянулся по путям. Седьмой вагон они угадали с математической точностью. Оказавшиеся менее прозорливыми пассажиры теперь спешили кто вперед, кто назад в поисках нужных цифр.

– Позвони, как доедешь, – сказала Агата, крепко обнимая маму на прощание.

В этот момент к ним подошел невысокий мужчина с аккуратными седыми усами.

– Вам помочь? – спросил он, кивая на чемодан.

– Ой, большое спасибо. – Валентина Алексеевна одарила его теплой улыбкой. – Сопровождение мне совсем не помешает. А уж если провожатый будет с такими усами, что словно две пушистые метелочки сметают все дорожные преграды, то и путь покажется короче.

– Для такой женщины только в удовольствие, – галантно ответил усач, подхватывая чемодан.

Агата еще раз обняла маму и с удовлетворением отметила, что усач не сводит очарованного взгляда со своей попутчицы. Проводник уже кричал о скором отправлении, и женщины расстались.

Дома Агату ждала свежая французская слойка, купленная в «Калачах и куличах», а еще неожиданный сюрприз.

Глава 2

На самом деле сюрприз был даже не дома, а на его крыльце. Старый купеческий дом, на нижнем этаже которого Агата проживала вместе с мамой, еще сто лет назад разделили на две отдельные квартиры, каждая со своим крыльцом. Квартиры, между прочим, в два этажа. Соседнюю уже давно никто не занимал – хозяева перебрались в столицу, а жилье в Торжке держали из инвестиционных соображений. Поэтому когда Лисова увидела на своем пороге кота, она знала, что он не приблудившийся. Да и мало какой из вольно путешествующих по городу котов в качестве транспорта использует переноску.

Переноска была очень грязная, ободранная по краям, как, впрочем, и ее обитатель – огненно-рыжий, вероятно, ведь за слоем пыли это было едва заметно. Кот, покорно смирившись с собственной судьбой, взирал на Агату изумрудными глазами.

– Добрый вечер, – вежливо сказала Агата, присев на корточки возле визитера.

Кот учтиво моргнул. Он выглядел очень неухоженным и не слишком здоровым, однако Агата отметила, что держался кот довольно гордо. Женщина, не раздумывая, подхватила переноску и отнесла гостя в ветеринарную клинику. К счастью, она застала молодого ветеринара незадолго до закрытия. От врача кот получил тщательный осмотр, два укола витаминов в рыжий бок и рекомендацию к кастрации. Все это Фикус – а как еще назвать живую душу, проявившую столь активный интерес к горшечным растениям в клинике? – принял стоически, ни разу не мяукнув.

Так в доме Агаты появился еще один жилец. И, надо сказать, друг и даже собеседник. Молчаливый и внимательный, что в современном мире нечасто встречается. Фикус имел кривую лапу и такой же кривой хвост, что сильно сказывалось на его охотничьих качествах. По мнению Агаты, именно это и послужило причиной избавления от него предыдущими хозяевами. Неделю они провели, налаживая совместный быт. Фикус быстро сориентировался в новом жилище и с манерами истинного аристократа выбрал себе место на подоконнике, откуда мог наблюдать за всем происходящим в комнате. По вечерам, когда хозяйка возвращалась с работы, бесшумно спрыгивал вниз, подходил к креслу Агаты, запрыгивал к ней на колени и, свернувшись калачиком, требовал, чтобы его гладили. При этом настойчиво подставлял голову под ладонь, словно напоминая: «Я здесь, я твой, и ты моя». Он не докучал, не требовал еды сверх меры, но всегда оказывался рядом, когда Агата садилась читать или просто задумчиво смотрела в окно. Это создавало ощущение, будто они жили вместе уже много лет.

В библиотеке они с подростками по-прежнему читали По, когда один из ребят, худенький мальчишка по имени Марк, неожиданно спросил:

– Агата Глебовна, а вот это правда, что если человек находит на своем пути перья, то его ждут перемены? Или несчастья?

Агата оторвала взгляд от книги и внимательно на него посмотрела. Она и раньше подозревала, скорее даже была убеждена, что именно подростки, вдохновленные творчеством По, оставляют на ее пороге перья. Но спрашивать напрямую значило бы разрушить игру, а игра была красивой – с птичьими следами, тайными знаками и вороньими приметами. Пусть думают, что она ничего не замечает.

– Перья – это просто перья, – мягко ответила она. – Их приносят птицы, ветер или, скажем, очень талантливые молодые люди, которые любят создавать тайны там, где их нет. Но если они наводят на размышления, то уже неплохо. Ворон в стихотворении По приносил не несчастье, а повод задуматься. Так что я бы сказала, что птичьи перья – это скорее приглашение к разговору, чем предупреждение.

Марк обменялся взволнованным и чуть испуганным взглядом с Игорем, участником чтений и своим соседом по улице. Тот неопределенно повел плечами. Вся сцена заняла не более

пяти секунд и тем не менее не ускользнула от внимания Агаты. Она, улыбнувшись, начала читать им «Черного кота». Ребята на мгновение замерли, но хрипловатый и мелодичный голос Агаты быстро вернул их в мир великого мастера слова. Следующие полчаса прошли под шорох страниц и периодические вопросы. Агата отвечала осторожно, оставляя пространство для их собственных мыслей. Когда последняя фраза была прочитана, она закрыла книгу. Вечер подходил к концу.

– Не забудьте завтра прийти в библиотеку, – напомнила она. – У нас ДВП… – она запнулась, – то есть День выбора профессий. Будет интересно, обещаю.

Ребята поблагодарили, принялись шумно собираться, а затем один за другим высыпали из кабинета.

Агата направилась к Елене Валерьевне.

– Отлично, Агата Глебовна, – похвалила директриса, когда та озвучила ей составленное булочное меню на завтра. – Я всецело доверяю вашему вкусу. Но единственное, – продолжала она, оторвавшись от бумаг, – возьмите еще безглютеновые булочки. Валентин Евгеньевич не употребляет пшеничную муку, у него особый режим питания.

Агата нахмурилась. «Ну и где я раздобуду безглютеновые булочки в такое время?» – мрачно подумала она.

– Валентин Евгеньевич здесь уже неделю и успел изучить местную кухню. Просит заказать из Bakery House, – сказала директриса, будто прочитав мысли Агаты.

– Неделю? – Лисова удивленно взметнула брови.

– Угу, – буркнула Елена Валерьевна и углубилась обратно в свои бумаги.

Агата пожала плечами. Если у взрослого мужчины особый режим питания, это его личное дело, а библиотека не ресторан, чтобы угождать каждому капризу. Хотя ради разнообразия и нового опыта можно и поискать эти безглютеновые булочки. В конце концов, кто, если не она, сделает вечер хоть немного уютнее для всех?

– Ну что ж, Валентин Евгеньевич, будет вам и безглютеновое счастье, – пробормотала она, выходя из кабинета. – Надеюсь, вы внимательны к чужим стараниям так же, как и к своему желудку.

Дома Агату встретил Фикус, который с царственным видом восседал в ее любимом кресле-качалке, словно так и было задумано.

– Прекрасно, – сказала Агата, остановившись в дверях. – Похоже, я теперь не просто библиотекарь, а официальный поставщик безглютеновых булочек и владелец кресла для кота. Главное, чтобы ты не требовал зарплату.

Фикус ответил сдержанным мурлыканьем, мягко приземлился на ковер и принялся выписывать восьмерки в ее ногах.

– Ладно, – вздохнула Агата, проходя в комнату и опускаясь в освобожденное кресло. – Раз мы теперь живем вместе, придется делить и хлеб, и крышу, и кресло. Но безглютеновые булочки я тебе покупать не буду, Фикус. Это уже слишком даже для такого роскошного кота.

Фикус в ответ лишь прищурился и, кажется, одобрительно зевнул, показывая, что все условия приняты и ни о каких безглютеновых деликатесах он и не помышлял. Вечер вступал в свои права, за окном зажигались огни, и Агата с улыбкой смотрела на своего нового соседа, чувствуя, что день, при всех его хлопотах, выдался хорошим.

На следующий день – это была пятница – около полудня Агата уже стояла в «Калачах и куличах». На пару с Натальей Ефремовной, пока та упаковывала ароматные булочки в бумажные пакеты, они обсудили Валентина Евгеньевича с его московскими причудами и сошлись на том, что в Торжке такие капризы не приживаются, разве что для гостей.

Затем Агата вызвала такси, с другого конца города забрала заранее заказанные особенные булочки и приехала в библиотеку. Помочь в организации стола, с разрешения директрисы, вызвались Марина и Ирина. Все трое знали друг друга еще со школьной скамьи.

– Хлебовна! Возьми стол с краю, – низким музыкальным голосом скомандовала Ирина. Она была женщиной плотной комплекции, с уверенными движениями и привычкой к командному тону, которую выработала за годы управления гостиницей, но в этой компании ее распоряжения звучали скорее как заботливое ворчание, чем приказ.

Агата подхватила длинный стол, и они вместе потащили его в середину зала.

– Я так понимаю, мальчишек в библиотеке мало, – мелодично пропела Марина. Она плавно двигалась к столу, неся в руках золоченый самовар.

– В таких учреждениях, Мариш, проще раздобыть самовар, чем помощника, – отозвалась Агата.

– Надо было мне свой принести, – пропыхтела Марина, водружая пузатого гиганта в центр стола.

– Ну этот-то местный, он в библиотеке с самого ее открытия, с семьдесят седьмого года, – заметила Агата.

– Библиотеку вокруг него построили, такой тяжелый. – Ирина приблизилась к самовару и попыталась немного сдвинуть его с места.

– Не трожь, – тут же воскликнула Марина. – Чай суеты не терпит.

Ирина подняла вверх руки:

– Поняла, поняла. И как только ты с ними управляешься, Марин? Это же прям ретро.

– Мне нравится. – Марина поглаживала самовар по блестящим бокам. – Я на самом деле не слишком часто это делаю, не смотри на меня так, будто я электрическим чайником или микроволновкой не пользуюсь. – Она сверкнула глазами в сторону Иры.

– Я и не думаю. Просто удивляюсь.

Марина открыла крышку самовара, заглянула внутрь, удовлетворенно кивнула и принялась заливать воду через верхнее отверстие, ловко орудуя небольшим чайником. Пар поднимался тонкой струйкой, и по залу поплыл запах металла и сухих щепок. Она опустила в трубу несколько сосновых шишек, которые всегда хранила в специальном мешочке, и, достав из кармана спички, чиркнула о коробок. Маленький огонек скользнул внутрь, и через пару секунд в самоваре тихо загудел огонь.

– Пару раз в год, наверное, – сказала она, поправляя заслонку, чтобы поддувало было ровным. – Вот ко дню рождения тоже собираюсь свой во главе стола поставить. Внуки обожают смотреть на этот процесс. Как раз потренируюсь, а то вдруг навык потеряла.

Агата принесла фарфоровый сервиз, который также находился в библиотеке и был рассчитан, вероятно, на сотню персон. Агата подумала, что с учетом крошечного штата библиотеки настал его звездный час. Они аккуратно расставили вдоль стола посуду.

Народ собирался постепенно. К трем часам библиотека наполнилась голосами – подростки толпились у входа, родители оглядывались по сторонам с любопытством, представители администрации занимали почетные места в первом ряду.

Выступления начались с того, что директриса первой вышла к публике и со всей торжественностью объявила:

– Добро пожаловать на ДЕНЬ ВЫБОРА ПРОФЕССИЙ! – на сей раз каждая буква в объявлении прозвучала как заглавная. – Мы рады приветствовать детей и их родителей, наших почтенных гостей, а также всех, кто неравнодушен к будущему нашего города. Первым делом хочу представить вам Валентина Евгеньевича Тарасова, искусствоведа, сотрудника крупнейших московских музеев, автора множества публикаций и нашего сегодняшнего почетного гостя.

На импровизированную сцену вышел невысокий мужчина с глубокими залысинами и идеально выглаженными брюками. Он артистично рассказал о том, как искусство может быть профессией, а может – призванием, и что за каждой картиной стоит не только художник, но и целая команда людей, которые ее сохраняют, изучают и интерпретируют. Его речь была гладкой, с московским налетом, и в ней то и дело мелькали названия музеев, которые никто из новото́ров – жителей Торжка – никогда не посещал, но говорили о них с уважением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.